Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

Сын короля Сигизмунда I и супруги его Боны Сфорца, Сигизмунд II родился 1 августа 1520 года. По обычаю того времени, в минуту рождения младенца придворным астрологам поведено было составить его гороскоп, и, по толкованиям их, сочетание звезд и планет, под которыми родился королевич, было самое благоприятное. Зловещий Сатурн не воспрепятствовал сочетанию Марса и Юпитера с Венерою, ярко сиявших в созвездии Девы. «Младенец будет мудр, могуч, славен, – объявили звездословы, – будет мудр, как Соломон, но и женолюбив не менее Соломона!» Последнее предсказание, как доказала жизнь Сигизмунда, было не совсем лишено основания. По совету тех же астрологов к имени королевича присоединено было и прозвище Августа не за будущие его подвиги, а просто в память рождения его в августе месяце.

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○

Кондратий Петрович Биркин
Сигизмунд II Август, король польский

Варвара Радзивилл (1548–1572)

Сын короля Сигизмунда I и супруги его Боны Сфорца, Сигизмунд II родился 1 августа 1520 года. По обычаю того времени, в минуту рождения младенца придворным астрологам поведено было составить его гороскоп, и, по толкованиям их, сочетание звезд и планет, под которыми родился королевич, было самое благоприятное. Зловещий Сатурн не воспрепятствовал сочетанию Марса и Юпитера с Венерою, ярко сиявших в созвездии Девы. «Младенец будет мудр, могуч, славен, – объявили звездословы, – будет мудр, как Соломон, но и женолюбив не менее Соломона!» Последнее предсказание, как доказала жизнь Сигизмунда, было не совсем лишено основания. По совету тех же астрологов к имени королевича присоединено было и прозвище Августа не за будущие его подвиги, а просто в память рождения его в августе месяце.

Телосложение и наружность королевича обещали в нем здорового и сильного красавца; умственные способности хотя и не выходили из разряда посредственности, зато в сердце его с самого нежнейшего детства обнаруживались зачатки страстности и доброты, приличествующих более женщине, нежели мужчине, особенно правителю государством. Есть гермафро-дизм физический, есть и моральный, и, к несчастию, подобное уродство характера явление далеко не редкостное. Этот недостаток, сносный в человеке обыкновенном, можно назвать пороком в государе. Подобно хирургу, правитель царства должен обладать известным запасом жесткости в характере, так как чувствительность и мягкосердие не всегда уместны в делах правления. Слишком чувствительный и мягкосердый хирург, сам лишающийся чувств в минуту операции, при всей своей жалостливости принесет больному вред вместо пользы… То же самое и монарх, чересчур послушный голосу сердца: есть правительственные меры, которые для государственного тела то же, что хирургические операции для человеческого организма. Наш великий Петр – образец государя-хирурга; недаром же он и сам, готовясь подписать смертный приговор сыну, сравнивал его с «гангренозным членом, который следует отсечь, дабы спасти от заражения здоровые части тела». Далеко не таков был Сигизмунд,

нежный от природы и еще, к вящему смягчению своего женственного характера, взращенный матерью, пылкой итальянкой, любившей и баловавшей его до безумия. Детство королевича протекло в кругу женщин, от которых он усвоил все вредные качества, будущему монарху почти пагубные. Семи или восьми лет Сигизмунд уже влюблялся в фрейлин своей матери; смеясь и шутя, последние невинными ласками волновали мальчика, сердце которого под знойными лучами страстей созревало преждевременно в ущерб рассудку. Мечтательность заменяла ему холодное размышление; область фантазии, населенная очаровательными призраками, отвлекала от действительности; восторженность уносила от земли на небеса…

Королевичу исполнилось десять лет, и сейм, вопреки существующим узаконениям, объявил его преемником короля Сигизмунда I. Отец, обрадованный этим решением, делавшим королевскую власть наследственною в его семействе, обратил наконец пристальное и серьезное внимание на характер сына и решился его перевоспитать. На первый случай, отняв королевича от нянюшек и мамушек, он сдал его на попечение гнез-денского кастеляна Опалинского – человека умного, ученого и сурового… Королевич в руках этого наставника напоминал ярый хмель, привязанный к сухой, безжизненной тычинке. Учебные занятия, несмотря на усердие наставника, шли вкривь и вкось; не умея приохотить ученика к наукам, Опалинский вел его к познаниям тернистым и утомительным путем педантизма. Математика хромала, история отталкивала королевича своей сухостью, и обширные ее области казались ему унылым кладбищем… Одна изящная словесность еще имела для него некоторую заманчивость, но и успехи в языках далеко не вознаграждали за нерадивость в науках. Все, чем с неутомимым терпением начинял голову ученика бедный Опалинский в течение осени и зимы, – все выветривалось при первом дуновении весны, все растаивало, как снег, во время летних жаров. Педагог потчевал своего питомца Геродотом, Квинтом Курцием, а королевич предлагал ему взамен скучной беседы за фолиантами прогулки в дворцовом парке или поездку по полям и живописным окрестностям Кракова… И бедная тычинка гнулась под набегами молодого хмеля!

Прошла юность, а с нею наступило время для родителей королевича подумать о его женитьбе. Мысль женить Сигизмун-да тем более радовала отца и мать, что с женитьбою сопряжена была возможность преобразовать недоучившегося юношу и остепенить его по мере возможности. Выбор короля пал на австрийскую эрцгерцогиню Елизавету, сестру германского императора Фердинанда… Женили королевича, и Елизавета была для него не

столько женою, сколько гувернанткою. Пользуясь влиянием на мужа, она сумела приохотить его к занятиям научным, образовала его вкус, во многом исправила характер, в котором проявились было черты твердости и мужественности… К сожалению, Елизавета скончалась (1545 г.), и двадцатипятилетний вдовец, вырвавшись на волю, предался всем порывам своих врожденных склонностей и вскоре позабыл и жену-наставницу, и ее уроки. Прежний идеалист, превратившийся теперь в рьяного материалиста, служил своим страстям со всем усердием своей пылкой, огненной натуры и безжалостно губил время в наслаждениях чувственных. Между сотнями женщин, которым он жертвовал собою или которые ему приносили себя на жертву, королевич искал своего идеала – порожденного воображением, взлелеянного нежными мечтами юности, чуть ли даже не отрочества. Судьбе угодно было, чтобы королевич обрел свой воплощенный идеал и в любви своей к нему явил грустный пример, на что может быть способен человек, по-видимому, слабый и бесхарактерный, но ослепленный страстью. Избранницею сердца Сигизмунда Августа была молодая вдова паладина Троцкого Гастольда – Варвара Радзивилл, дочь кашеляна вилен-ского. Судя по портретам и описаниям современников, Варвара была блондинка, среднего роста, довольно полная лицом и станом; характера была кроткого, обходительного, обладала большим умом, но вместе с тем и кокетливостью, той умной и увлекательной кокетливостью, которая искони веков врожденна одним только полячкам. Француженка, итальянка, кокетничая, действует только на чувственность, немка – на приторную сентиментальность, англичанка – на рассудок и убеждения нравственные… Одна только дочь Сармации умеет осветить мужчину со всех сторон его характера, кружить ему голову, привлекать, завлекать, но, сводя его с ума, никогда самой не увлекаться, не терять рассудка и не преступать пределов благоразумия. Полячка-любовница остается верною и постоянною, как жена; полячка-жена любит мужа со всем увлечением любовницы… Это сирена, ведущая человека не к погибели, но всего чаще к брачному алтарю, и надобно отдать справедливость уменью полячек достигать в своей любви этой благородной цели, узаконяющей любовь. Стремясь к увенчанию последней брачным венцом, полячки повинуются двум равно развитым в них чувствам: врожденной гордости и убеждениям религиозным.

Так действовала Варвара Радзивилл с королевичем Сигиз-мундом и, пленив его, сама умела лавировать, минуя бездну, в которую менее искусную женщину могла бы увлечь страсть.

Варвара любила королевича; но путь в ее опочивальню шел чрез брачный алтарь, и другого не было. Ласки Варвары, всегда скромные, стыдливые, никогда не преступали границ, предначертанных ее благоразумием. Бывали минуты, когда королевич в припадке любовной горячки падал к ее ногам, осыпая их слезами и поцелуями, тогда Варвара всегда находила возможность отвлечь страстные его помыслы на иное; отказывая ему в блаженстве в настоящем, она утешала Сигизмунда надеждами на будущее; пробуждала в его душе чувства идеальные; цветами поэзии утешала его за отсутствие вожделенного плода любви чувственной, плода сладкого, упоительного, но все же запрещенного… В ответ на слезы своего обожателя Варвара нежно улыбалась, осушала их поцелуями, не жгучими поцелуями страсти, но поцелуями родственной, чистой ласки, подобными дуновению весеннего ветерка, ароматного, сладостного, но и прохладного. Честь и слава уму женщины, так искусно маневрирующей с сердцем любимого человека, но надобно же такой героине и в собственном сердце иметь богатейший запас холодности и расчетливости. При свидании этих платонических любовников они как будто менялись ролями: Варвара казалась твердым, непреклонным мужчиною, а Сигизмунд – слабою женщиною.

– Я обожаю тебя! – повторял он Варваре.

– Женись, – отвечала она.

– Неужели страсть моя останется без ответа?

– Отвечу, когда буду твоей супругою.

– Но ты сама любишь меня?

– Люблю и потому-то уверена, что ты будешь моим супругом…

Впрочем, может быть, Варвара была бы менее сурова, если бы над нею не бодрствовала ее почтенная родительница, подкреплявшая ее своими советами, а подчас и руководившая всеми ее действиями. Окончательно побежденный страстью, королевич сочетался с нею тайным браком; тот и другая достигли своих желанных целей. Супруга королевича Варвара и после брака действовала с неподражаемым тактом ради упрочения привязанности и верности мужа. Во избежание возможного с его стороны охлаждения в том случае, если бы свидания их стали бывать чаще прежнего, Варвара не только не соглашалась переселиться из Вильны ближе к Кракову, но, напротив, убедила своего супруга навещать ее реже и сколь можно тайно, чтобы не навлекать подозрений. Эта романтическая таинственность придала любви королевича к Варваре всю заманчивость запрещенного плода; объятия красавицы, до которых он достигал,

преодолевая препятствия, не теряли в его глазах своей обаятельной привлекательности, и в наслаждениях своих Сигизмунд не доходил до пресыщения… Нечего и говорить, что в разлуке нежные супруги хранили обоюдную верность. И могло ли быть иначе? Для Сигизмунда искушение было немыслимо; для Варвары и того менее: в замке своем она жила совершенной затворницей.

20 марта 1548 года король Сигизмунд I скончался, и преемником ему был единогласно провозглашен сын его Сигизмунд II

Август. Принимая должную и законную дань почестей как государь, Сигизмунд приобщил к ним и свою супругу, объявив ее королевою со всеми правами, сану ее предоставленными. Варвара прибыла из Вильны в Краков, где торжественно была встречена королем. Этот триумф и морганатический брак Сигизмунда возбудили живейшее неудовольствие в духовенстве и дворянстве.

– Без ведома его святейшества! – возроптало первое.

– Без согласия сейма! – шумело второе.

Коронация и следовавшие за ним празднества на время утишили эту бурю, но она поднялась в следующем году на Пиотковском сейме. Здесь вельможи объявили, что брак короля не может быть признан законным как бесполезный государству и позорный трону. Король, по мнению панов, обязан был брачным союзом с одною из первостепенных европейских держав упрочить величие своего королевства, а не унижать его.

– В этом деле, – отвечал король, – я предпочел и предпочитаю повиноваться голосу сердца, а не капризам народа.

За исключением Радзивиллов и их сродников, все вельможи, не скрывая своей ярости, стали роптать пуще прежнего и от ропота перешли к угрозам. В восшествии Сигизмунда на престол видели явное нарушение закона: король должен был быть избран из среды дворянства, как это велось исстари, а не наследовать отцу на престол, будто вступая во владение движимой собственностью. Самою же главною причиною всеобщего негодования была зависть. Каждый пан, присутствовавший на Пиотковском сейме, думал, глядя на Варвару Радзивилл: зачем она, а не моя дочь, или сестрица, или племянница?

– Перед престолом Божиим Варвара Радзивилл моя супруга и пребудет моею супругою на королевском престоле! – отвечал король на смутный ропот панов. – Если она вам не угодна, я отрекаюсь от престола!

Последняя фраза была не пустою угрозою: Сигизмунд приступил к редакции манифеста о своем отречении.

– Пусть не думают мои надменные вельможи, – говорил

король своим приближенным, – чтобы я мог купить их благосклонность ценою моей доброй Варвары… За нее не возьму я не только королевства польского, но и корон всей Европы!

И как бы желая вознаградить супругу за незаслуженные оскорбления от дворянства, Сигизмунд удвоил свою к ней внимательность и нежность. Варвара со своей стороны, готовая пожертвовать собою для сохранения Сигизмунду короны королевской, старалась, и весьма успешно, укротить строптивейших ласковым с ними обхождением и кротостью. Ненавидя ее как королеву, враги Варвары не могли не отдавать ей справедливости как умной и прекрасной женщине. Король не отступался от своего намерения отречься и, только уступая разумным доводам архиепископа Краковского, до времени отложил свое отречение; в данную минуту оно было бы более чем несвоевременно. Войны с Россиею, волнения в Литве и Ливонии требовали от государя самой энергичной деятельности… Тут, как нельзя более кстати, Сигизмунду представился случай смирить кичливых дворян и заставить их покориться его воле. Пересматривая по случаю войны послужные списки многих вельмож, король обратил внимание на ту вредную особенность польской государственной администрации, что одни и те же лица одновременно занимают по нескольку должностей, получая соответствующие им доходы и содержания; некоторые должности, подобно майоратам, были в вельможеских семействах наследственными… Желая нанести решительный удар честолюбию и корыстолюбию панов, король решился издать манифест, в силу которого наследственность в должностях отменялась, одно лицо лишалось права занимать разом несколько мест и должностей. Прямая польза этого разумного мероприятия не могла бы даже быть и опровергнута на сейме… Магнаты увидели, что новый закон больно ударит их по карманам, т. е. по источникам их могущества, и решились во что бы то ни стало отклонить Сигизмунда от его намерения. Король был не прочь войти в полюбовную сделку: за ненарушимость старого закона он предложил вельможам признать Варвару Радзивилл королевою… Вельможи согласились.

Преодолеть препятствия и поставить на своем отрадно и человеку, одаренному силой воли; для бесхарактерного подобный подвиг истинное торжество, и именно такими глазами смотрел Сигизмунд на свою победу над гордыми магнатами. Увенчав голову любимой женщины короной королевской, посадить ее рядом с собою на престол, сказать своим подданным: «Люди, поклоняйтесь ей, обожайте ее! Я государь ваш, но она – моя царица, а я считаю за счастье быть ее рабом…» Это ли была не

блаженнейшая минута для нежного, восторженного Сигизмунда. И Варвара была коронована в Кракове и всенародно объявлена королевою польскою; недавние недоброжелатели, смирив свою гордость, преклонили пред нею колени и недавний свой ропот заменили восторженными кликами. Сигизмунд торжествовал, конечно, более самой Варвары, и празднества, которыми он в Кракове ознаменовал коронацию супруги, пышностью превосходили празднества собственного его воцарения. К сожалению, улыбка судьбы человеку всего чаще предшествует невзгодам. В числе многих тысяч гостей, ликовавших в стенах краковского дворца, невидимкою присутствовала та страшная гостья, для которой всегда открыты и чертоги королей, и лачуги нищих, гостья, которую вернее было бы назвать всемирною хозяйкою и непобедимою обладательницею вселенной… Досказывать ли, что мы говорим о смерти? Страшная невидимка, витая над королевою, уже осеняла ее готовившимся ей в близком будущем гробовым венком и веяла ей в лицо саваном. Варвара после коронации жила только шесть месяцев и в 1551 году скончалась от рака, по уверению докторов; от яда – по подозрениям Си-гизмунда. Те же магнаты могли быть и отравителями несчастной Варвары.

Можно сказать без малейшего преувеличения, что скорбь короля по его усопшей супруге равнялась любви его к ней живой. Он не отходил от гроба Варвары ни днем ни ночью, откладывая погребение до крайнего срока и продержав тело до степени разложения, отвратительного для всех окружавших, кроме него самого. Облекшись в глубокий траур, Сигизмунд надел себе на шею золотой медальон с волосами покойницы; комнаты, в которых она жила во дворце, он приказал неизменно оставить в прежнем виде, как было при Варваре. К этим комнатам он присоединил траурную залу, стены которого были обиты черным сукном с серебряными изображениями слез, мертвых голов, костей и т. п. На столе, стоявшем посредине комнаты, возвышалось распятие и тут же стоял портрет покойной королевы, и были разложены принадлежавшие ей наряды и уборы… В слезах и в молитвах Сигизмунд проводил в этой траурной зале целые дни. Увещания духовенства были напрасны, а попытки придворных рассеять и чем-нибудь позабавить короля не только оставались тщетными, но только сердили и раздражали его. Дворец принял вид обители трапистов, в глубокую темноту были по вечерам погружены его окна, во внутренних покоях царило могильное безмолвие, живые люди ходили неслышно, как тени, и только заунывный бой башенных часов напоминал о времени, а с ним и о вечности, в которую безвозвратно сокрылась

королева Варвара.

За два или за три месяца, истекших со дня ее кончины, Сигизмунд постарел десятью годами и сам стал похож на мертвеца. Подобно всем вообще восторженным натурам, он находил особенную прелесть в своей грусти и наслаждался ею, напоминая больного, расчесывающего свою рану и тем не дающего ей зажить… От меланхолии до помешательства один шаг, и именно этого опасались придворные. Надобно было прибегнуть для излечения короля к средству отчаянному, страшному, и они отважились на это средство. Нижеследующий рассказ мы заимствуем из народных преданий, доныне сохраняющихся в австрийской Польше, частию и в наших западных губерниях. Именно в царствование Сигизмунда Августа жил в Кракове знаменитый медик, астролог, алхимик, маг и чернокнижник пан Твардовский. В тот век невежества и фанатизма, чтобы приобрести подобную репутацию, достаточно было быть мало-мальски ученым человеком; Твардовский же и из ученых был не последним. Трудно с точностью определить степень его познаний в тайных науках, но в народе о нем сложились странные понятия вследствие многих чудесных исцелений и нескольких опытов, которые даже и в наше время весьма многим показались бы удивительными. К этому человеку обратились приближенные короля с просьбой исцелить его от душевного недуга.

– Это возможно, – отвечал колдун посланному, – если только не будет препятствия со стороны самого короля.

– Оно есть, – отвечал посланный, – так как его величество сам не желает исцеления.

Пан Твардовский дал совет придворному, который в тот же вечер нашел возможность ему последовать. Пользуясь особенным к нему расположением Сигизмунда, каштелян будто вскользь заронил словцо о возможности свидания живых с усопшими.

– Во сне? – уныло спросил король.

– Никак нет, государь, – отвечал каштелян, – а наяву и воочию…

– Посредством нечистой силы?

– Посредством науки, ваше величество. В Кракове есть человек…

– Не о Твардовском ли вы мне намерены рассказывать? По слухам, именно этот человек и чернокнижник, и колдун не хуже немецкого доктора Фауста. Отец Архибискуп обращал мое внимание на Твардовского как на вредного человека… Нет, благодарю за предложение его услуг: между раем, в котором теперь праведная душа королевы, и адом, который повинуется

Твардовскому, не может, да и не должно быть ничего общего. Я сам вызову тень моей Варвары молитвою!..

Несмотря, однако же, на свой аскетизм, король через несколько дней сам возобновил разговор о пане Твардовском.

– Вызвать тень королевы, – сказал он каштеляну, – вашему чернокнижнику едва ли возможно. Душа ее до такой степени далека от здешнего бренного мира, что даже не является мне в сновидении, несмотря на все мои старания…

– Видеть во сне именно того, кого желаешь, живого ли, мертвого ли, действительно очень трудно, особенно если об этом человеке мы постоянно думаем. Ум, утомленный одною постоянною мыслию в течение дня, естественно, стремится к иным мыслям во время ночи.

– А ваш Твардовский может вызвать тень наяву?

– Может, государь.

– Весьма сомневаюсь… а впрочем… – продолжал король в раздумье, – отчего бы не попытаться? Только предупреждаю вас, если я вздумаю решиться на этот грех, то не иначе как по предварительном объяснении колдуна: какими именно средствами он вызовет призрак? Если явление будет основано на законах науки и природы – я согласен… но если, Боже сохрани, Твардовский прибегнет к черной магии, тогда пусть лучше и не думает меня морочить!

– Когда же прикажете явиться ему во дворец?

– На днях, может быть, завтра… Я назначу сам.

Через неделю пан Твардовский был представлен королю

Сигизмунду. Король принял его в траурной зале и выказал при этом суеверный ужас: не допустив колдуна к руке и вообще удерживая его на почтительном расстоянии, Сигизмунд несколько времени молился, осеняясь знамением креста. Из придворных присутствовали при этом трое приближенных, на скромность которых король мог вполне положиться.

– Вам передали мое желание? – робко спросил он Твардовского.

– Передали, ваше величество. Надеюсь, с помощью…

– Не говорите, с чьей помощью, если в этом деле примут участие духи… В этой комнате, посвященной памяти моей супруги, не должно быть произносимо никаких заклинаний.

– Их не будет, ваше величество.

– Посредством чего же вы вызовете тень?

– Посредством курева, составленного мною по рецепту древнего ученого, – и только. К этому куреву я попрошу, ваше величество, позволить мне прибавить локон волос покойной королевы…

– Без этого нельзя?

– Невозможно, государь.

Король, медленно сняв с шеи золотую цепь, открыл медальон, и две крупные слезы капнули на сложенную в нем прядь белокурых волос… Он, видимо, колебался расстаться со своим сокровищем. Между тем Твардовский, занавесив распятие куском черного крепа, попросил одного из присутствовавших придворных принести жаровню с горячими угольями.

– Ваше величество позволит мне, – обратился он к королю, – до приступления к опыту сообщить вам весьма важную предосторожность?

– Именно?…

– Не обращаться к призраку с вопросами, не называть его по имени…

– Не выражать ему ни ласки, ни сожаления? – уныло досказал король. – Даже и этого нельзя? А если я невольно нарушу ваше приказание'?

– Тогда, государь, дух покойной королевы примет на себя тот самый вид, в котором теперь находится ее бывшая земная оболочка, и умиление ваше уступит место ужасу, может быть, даже отвращению…

– В таком случае не скажу ни слова! – прошептал король.

Принесли жаровню и поставили ее на стол перед Сигизмундом; двери, по распоряжению Твардовского, плотно заперли… Воцарилась тишина страха и ожидания, и только слышался легкий треск пылавших угольев. Вынув из кармана золотую коробочку, колдун высыпал на уголья содержавшийся в ней порошок, потом бросил на них же прядь волос покойной королевы. Острый, но довольно благовонный дым медленно поднялся с жаровни и, вместо того чтобы восходить к потолку, начал расстилаться по комнате… Дверь, которая вела из траурной залы в комнаты королевы, медленно распахнулась, и на пороге показался призрак покойной в богатом уборе, с головы до ног будто серебристым облаком покрытый газовой пеленой. Не касаясь ногами пола, тень, подобно клубу тумана, неслась к столу, вперяя в короля взгляд, полный грусти и невыразимой нежности. Дрожа всем телом, Сигизмунд приподнялся с кресел и, забыв обещание, данное Твардовскому, прошептал прерывающимся голосом:

– Ты… ты, моя Варвара!

Слова колдуна оправдались: спокойное, величавое лицо призрака исказилось, зубы оскалились, в глазных впадинах вместо глаз, полных ума и выражения, закопошились черви, вся фигура приняла очертание трупа, вздутого газами, и удушливый

смрад разлился по воздуху… Король лишился чувств; призрак рассеялся вместе с дымом.

Вместе с щедрым вознаграждением пан Твардовский на другой же день получил от короля Сигизмунда приказание в двадцать четыре часа выехать из Кракова.

Так гласит народное предание, приправленное фантастической солью, но, может быть, основанное на истинном происшествии. Верно известно, что через год после кончины Варвары король приказал уничтожить траурную залу, перемеблировать апартаменты покойной супруги, а платья ее и уборы сдать в гардероб. По благости провидения вечной скорби нет на земле, и время, одной своей волной унося в вечность близких нашему сердцу, другой замывает наши сердечные раны:

Смертной силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи —
Спящий в гробе мирно спи,
Жизнью пользуйся живущий!

В 1552 году король принял деятельное участие в спорном вопросе о свободе вероисповедания своих подданных. Духовенство угнетало протестантов; вельможи и дворяне им покровительствовали. Их же сторону в ущерб интересам патеров принял и король. Следствием его разумной веротерпимости город Гданьск (Данциг), намеревавшийся признать над собою покровительство императора германского, остался в подданстве короля польского. В следующем году (1553), уступая желанию вельмож, Сигизмунд вступил в третий брак с Катериною Австрийскою, вдовою герцога Мантуанского. Этот союз, в котором нежное сердце короля не принимало ни малейшего участия, был заключен единственно ради политики: имея виды на Ливонию, которую он и присоединил к своим владениям (1556), Сигизмунд надеялся ублажить Австрию, породнясь с нею. Нерасположение короля к нелюбимой супруге постепенно усиливалось вследствие ее неплодия, и он решился наконец расстаться с нею. Развод этот мог рассорить Польшу с Австрией, но и на этот случай король, человек предусмотрительный, принял свои меры, заключив дружественный союз со Швецией и с Россией. Застраховав себя таким образом от вооруженного столкновения с империей германской, Сигизмунд решился испросить у папы Пия IV формального дозволения о расторжении брака с Катериною; папа отказал… Не обращая на это несогласие ни малейшего внимания, король отослал свою супругу в Вену к ее брату императору (1565). Римский первосвященник грозил Си-гизмунду своими

ватиканскими перунами в виде булл, экском-муникаций и т. п. На них смелый король отвечал как нельзя злее, благоволя и покровительствуя своим подданным аугсбургского вероисповедания. Присоединение Литвы к Польше в 1569 году было последним великим деянием короля Сигизмунда; следовавшие затем шесть лет он провел в Кунсине (в Подляхии), где и скончался 7 июля 1572 года, оставив по себе память умного политика, покровителя ученых и доброго служаки интересам королевства. Современники укоряли Сигизмунда только за один недостаток: щедрый на обещания, он был скуп на исполнения. За это его прозвали Королем Завтра.

В отношении психологическом личность Сигизмунда заслуживает внимания как живой образец непостоянства и изменчивости характера человеческого. Восторженный идеалист в юности, неутешный вдовец Варвары Радзивилл в зрелых летах, Сигизмунд, входя в года, остепенился, поуходился и сделался наконец вполне практическим человеком. Благодаря этой перемене к лучшему последние двадцать лет царствования Сигизмунда были не бесполезны и не бесславны для Польши. Что же касается до Варвары Радзивилл, честь и слава ее памяти за то, что она никогда не злоупотребляла тем влиянием, которое имела на короля, сперва пламенного любовника, а потом не менее нежного супруга. Если бы у королей XVI, XVII и XVIII столетий было поболее фавориток, подобных Варваре, в истории не было бы так много позорных страниц.